

Пока на сцене пусто и темно

Театр отмечает свое 20-летие

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ СПОР

Когда вечером проходили мимо этого старинного здания, чувствуешь, что оно живет. Осажденный восточной, выстроившейся возле дверей машины и спешащие зрители — все говорит о том, что там, за этими всегда затемненными окнами, кто-то радуется и злится, любит и ненавидит, смеется и плачет... Идет спектакль. Волнуются на сцене, парадничают в зале.

А днем, когда нет спектакля! Наверное, тихо и спокойно за этими темными занавесом и шпалезом ковачной двери!

Но так только кажется. Как раз теперь здесь самое большое оживление. Спектакль — это уже отчет перед общественностью города, а в будние дни — напряженная и очень нелегкая работа всего коллектива.

АНТРАКТА НЕТ

По полутемному коридору вместе с директором театра Б. Юшвиновичем приближаемся к двери с надписью «Студия». Издалека доносится голос В. Канцлериса. Какой сильный голос! В сравнительно небольшом помещении он прямо оглушает окружающих, заставляет дрожать оконные стекла... Значит, и на сцене он не пропадет — прозвучит громко, волнующе.

Но зачем понадобились такая сила и напряженность? Зачем так умоляюще протыкают руки, так гнетливо и так драматически скандируют эти мужские в черных тогах! Сразу становится ясно: здесь идет репетиция античного произведения.

«Царь Эдип» Софокила — одно из самых трагических произведений всех эпох и народов. Не удивительно, что от коллектива театра эта работа требует крайнего напряжения сил. Нет, не только голос должен звучать величественно — и сам актер должен гореть внутренне, не гаснуть ни на мгновение. Как раз этого и требует главный режиссер П. Гайдис. Словом, не поучающее и требовательно звучит голос главного режиссера — на послушаться его нельзя. «Все зависит от того, насколько вы будете сосредоточены и эмоциональны... Постоянно держать нервы в напряжении... А вот Эдип никогда расслабляется, выйдя за кулисы... Быть за кулисами — для актера не антракт... Жить ролью все время, чтобы сразу перенести ее на сцену...»

«Подавать не только Эдипу, — заслужил упрек и исполнителя роли Креонта за то, что апаял в истерику», ругают и

будущего иреца за то, что «отдыхает, когда не говорит», что «лезет в раковину», когда говорит Эдип...

Пусть не обижаются виновники этого репортажа за то, что мы слышим равно педантично красочный замес и вглядывали любопытным глазом.

ГОСТИ ТОГО ДНЯ

За эти несколько часов пришлось встретиться не только с коллективом театра — в его работе принимали участие и три гостя.

Вот композитор В. Ранахюс из Вильнюса (он пишет музыку и «Царю Эдипу».

Гостя из столицы — художница Ф. Линчюте [она только что приехала, привезла свои же декорации и костюмы и одному из спектаклей, — но об этом позже].

А. Дюкюн — режиссер из Братского Минска (он ставит здесь спектакль «Прощание в июне»).

Это — гости. Только не думайте, что их здесь встречают с любезной улыбкой и любовью провозносят... Ого, какие споры завязываются между хозяевами и гостями! Ничего не поделаешь — ярмалили они работать, а не просто поговорить.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ СПОР

В эту комнату собрались все: авторы, режиссеры, технический персонал... Где только можно, разложили афиши декораций и костюмов. Это пьеса А. Вамиллова «Прощание в июне», которую, как упоминали, ставит гость из Минска. Художница Ф. Линчюте объясняет свой замысел. Собравшиеся в это время придирчиво осматривают каждую деталь... Ну и начинаются!

— Цветовой замес не подойдет и легкому спектаклю, — волнуется актер В. Барукас. — Черные краски, щипать, плоскости, мимичная ткань — все это усложняет впечатление...

— Откажитесь от горизонта! Поверьте мне, я знаю свой театр. Этот материал вы не осветите! — кричит В. Канцлерис, вице не сила белого полетинки с плеч и, видимо, не успев выключиться из спектакля...

Но самый большой спор разгорается не в отношении декораций, а в отношении костюмов. Теперь действительно жарко...

— В явесе очаруют характеры, они разные, сложные, а почему вы хотите всех облачить на один манер! Они станут похожи друг на друга, пострададут характеры...

Споры из-за деталей, из-за орнаментного цвета, по поводу выматного узора на залежном синтере переросли в большой, принципиальный разговор о взаимоотношениях актера и художника, актера и зрителя... Хорошая это беседа, творческая, рожающая правду и создающая искусство.

Но только и художнику, возможно, больше и режиссеру обращается Б. Юшвинович:

— Если в таком убранстве запустеет на сцену, они будут сорганигованы. А ведь эта пьеса — лирический разговор о любви, о мелодистике... Не дидактические, не из передовой статьи эти юноши... Они живые, сложные и разные. Надо, чтобы они были студентами нашей улицы. У нас нет университетов. Наша молодежь трудится... Поднимай ей сама себя...

И так далее. Знаете, невозможно, не сказать, передать все эти деловые мысли, как невозможно воспроизвести и весь этот большой, прекрасный спор.

Кстати, в таких беседах, как и на сцене, тоже выясняются характеры... Надо сказать, что молодой режиссер из Белоруссии очень сдержанный, с определенным вкусом. Не торопится он с выводами, больше говорит о психологической стороне пьесы.

...Художественный совет продолжил спор. Не знаю, чем он закончился. Уверена лишь, что театр серьезно, очень серьезно готовится к репетициям этого спектакля, который ставит гость. Дюкюн: репетиции проходили в одно время. Большая часть актеров занята также в обеих постановках. Все двойная и двойная нагрузка. Что ж, и праздник у коллектива двойной: юбилей Советской власти и свое годовщина.

А. ПОШКУВЕНЕ.